

ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1940–1980-е ГОДЫ

М. А. Мартыненко

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 24 марта 2023 г.

Аннотация: рассматривается трансформация коммеморативных практик польского правительства в отношении Грюнвальдской битвы 1410 г. Цель статьи – выяснение структурных характеристик и причин изменения исторической политики польского правительства, повлекшее за собой переформатирование нарративов о Грюнвальдском сражении в 1940–1980-е гг. Как зарубежные, так и отечественные исследователи концентрировали внимание лишь на юбилейных торжествах 15 июля в Польской Народной Республике (А. А. Касович), графических репрезентациях битвы (К. Мик) и символическом месте сражения в польско-немецких отношениях (Р. Траба). На основании материалов периодической печати, партийных документов и мемуарной литературы автор прослеживает институционализацию памяти о битве при Грюнвальде, внутривнутрипартийные дискуссии по вопросу необходимости увековечивания событий июля 1410 г. Делается вывод, что полноценное становление культа Грюнвальдской битвы произошло в 1980-е гг. под влиянием наиболее консервативных кругов Польской объединенной рабочей партии, инициировавших создание разветвленной сети организаций, объединенной идеологией победы при Грюнвальде.
Ключевые слова: Польская Народная Республика, историческая политика, Грюнвальдская битва, Патриотическое объединение «Грюнвальд», Польская объединенная рабочая партия.

Abstract: the article analyzes the transformation of the commemorative practices of the Polish government dedicated to the Battle of Grunwald. The purpose of the article is to clarify the structural characteristics and reasons for the change in the historical politics of the Polish government, which led to the reformatting of narratives about the Battle of Grunwald in the 1940s–1980s. Both foreign and domestic researchers focused only on the anniversary celebrations of July 15 in the Polish People's Republic (A. A. Kasovich), graphic representations of the Battle (C. Mick) and the symbolic place of the Battle in Polish-German relations (R. Traba). Based on the materials of the periodical press, party documents and memoir literature, the author traces the institutionalization of the memory of the Battle of Grunwald, internal party discussions on the need to perpetuate the events of July 1410. It is concluded that the full-fledged formation of the cult of the Battle of Grunwald took place in the 1980s under the influence of the most conservative circles of the Polish United Workers' Party, who initiated the creation of an extensive network of organizations united by the ideology of victory at Grunwald.

Key words: Polish People's Republic, historical politics, The Battle of Grunwald, Patriotic Association «Grunwald», Polish United Workers' Party.

Историческая политика государств Восточной Европы в социалистический период их развития отличалась постоянными трансформациями, вызванными реакцией властей на внутривнутриполитические и внешнеполитические потрясения, происходившие в период холодной войны. По словам Т. Джадта, после окончания Второй мировой войны «Восточная Европа имела гораздо больше воспоминаний, чем Западная – и гораздо больше того, что хотелось забыть» [1, р. 821]. Это утверждение полностью передает ту коммеморативную неустойчивость, которая сопровождала Польскую Народную Республику на протяжении всей второй половины XX в. Перманентные государственные кризисы и общественные волнения стимулировали видоизменения коммеморативных

практик, результатом чего становилась актуализация триумфалистских исторических нарративов. Одним из таких сюжетов, взятых на вооружение социалистическими властями в Польше, была средневековая Грюнвальдская битва.

Современные зарубежные и российские исследователи неоднократно обращались к проблеме использования Грюнвальдского сражения в исторической политике Польской Народной Республики. Внимание отечественных авторов было сосредоточено преимущественно на праздновании юбилеев Грюнвальдской битвы и их внутренней символике [2; 3]. Так, в работе А. А. Касовича анализируются юбилейные торжества, происходившие в Польской Народной Республике во второй половине XX в. По мнению автора, историческая политика в отношении Грюнвальдского сражения была направлена «на обоснование польской идентичности на территориях, отошедших

Польше после Второй мировой войны [2, с. 90]. Схожей точки зрения придерживаются и польские исследователи, отмечающие значение события для демонстрации ФРГ непреклонности в вопросах, связанных с территориями, приобретенными Польшей после окончания Второй мировой войны [4]. Необходимо отметить, что исследователи анализировали лишь один из аспектов исторической политики – внешний, направленный на утверждение исторических нарративов на международной арене. По справедливому утверждению А. И. Миллера, историческая политика имеет две функциональные составляющие: внутривластную и внешнеполитическую [5, с. 50]. Если первая функция отвечает за использование истории в качестве аргумента правительства по отношению к собственным гражданам, то вторая, внешнеполитическая, направлена на международного потребителя, для которого создаются исторические нарративы с целью их последующего конвенционального утверждения. В работе С. Эдкала рассматриваются монументальные воплощения нарративов о Грюнвальдском сражении в XX в., однако автором упускается из внимания внутривластный аспект, оказывающий непосредственное влияние на возведение памятников, посвященных событиям 15 июля 1410 г. [6].

Констатируя, что комплексный анализ исторической политики возможен лишь при анализе внутривластных и внешнеполитических аспектов использования прошлого, в настоящей статье рассматривается трансформация коммеморативных практик польского правительства в отношении Грюнвальдского сражения в 1940–1980-е гг. Особое внимание в работе сосредоточено на последнем десятилетии существования социалистической Польши, в ходе которого представители Польской объединенной рабочей партии создали разветвленную сеть институтов и осуществили попытки кардинального видоизменения рамочной основы коллективной памяти польского общества.

Идея использования нарративов о Грюнвальдском сражении в исторической политике Польской Народной Республики появилась во время Второй мировой войны. Первые шаги по увековечиванию событий были связаны с развитием коммунистического сопротивления в Польше, которое не подчинялось Правительству в изгнании, а управлялось из СССР. В 1943 г. командир 1-го корпуса польских войск в СССР С. Берлинг привел к присяге сформированную в Сельцах дивизию в день 543-й годовщины Грюнвальдской битвы [7, S. 51]. В поздравительной телеграмме по случаю присяги отмечалось: «533 года назад соединенные силы славянских народов – поляков, русских, украинцев, белорусов и чехов – вместе с литовцами разгромили германских захватчиков под

Грюнвальдом, надолго отбив у них охоту к нападениям на славянские земли» [8]. Уже в феврале 1944 г. был учрежден «Грюнвальдский крест» – символ борьбы с «тевтонством и победы при Грюнвальде в 1410 г.» [9]. Формирование нарративов о Грюнвальдской битве в военное время способствовало тому, что их семантическое наполнение было пронизано антигерманскими мотивами, которые доминировали в дискурсах польского общества и поддерживались советской властью. Кульминацией такого нарратива стал массовый выпуск плакатов в мае 1945 г., на которых отождествлялась победа при Грюнвальде и взятие Берлина [10, S. 28].

Летом 1945 г. в Польской Народной Республике были организованы общенациональные мероприятия, посвященные юбилею Грюнвальдского сражения. Строго говоря, это было наиболее широкое празднование события, сопровождаемое парадами в различных воеводствах, спортивными мероприятиями и всевозможными шествиями. Лозунгом одного из таких шествий в Варшаве были слова: «Братство славянских народов – оплот их безопасности и процветания» и «Одер и Нейсе – стратегическая граница всех славянских народов» [11, р. 25]. Такие лексемы свидетельствовали об окончательной инструментализации битвы во внешнеполитическом измерении исторической политики, направленном, с одной стороны, против Германии, а с другой – на консолидацию социалистического лагеря.

После этого Грюнвальдское сражение было вытеснено из коллективной памяти польского общества Польской объединенной рабочей партией. Вплоть до начала 1960-х гг. грюнвальдские юбилеи не отмечались в Польше. Причина этого заключалась в некотором потеплении в польско-немецких отношениях, результатом которого стало устранение внешнеполитического аспекта исторической политики в этом направлении. Поскольку во внутривластной деятельности Грюнвальдское сражение так и не было взято на вооружение ПОРП, то ему не нашлось места в нарративах, исходящих от государства. В недолговременный период забвения память о событии сохраняли «скаутские команды Грюнвальда», которые в течение многих лет проводили немногочисленный митинг на полях, где в 1410 г. происходило сражение.

Грюнвальдское сражение вернулось в исторический дискурс польского общества в 1960-е гг. В годовщину битвы, 15 июля 1960 г., был торжественно открыт «мемориальный комплекс Грюнвальд». Грюнвальдская традиция стала образцовым примером славянского кровного братства. В том же году польский режиссер, директор Польской кинокомпании А. Форд экранизировал знаменитое произведение Г. Сенкевича «Тевтонские рыцари». Экранизация романа в значительной степени отличалась от текста

Г. Сенкевича и была направлена на укрепление польско-советских отношений. В частности, особое место в кинонарративе получили «три смоленских полка, участвовавших в битве на польской стороне». Партийные деятели отмечали, что они являлись «предтечей Красной Армии» и символизировали дружбу между странами социалистического блока.

Следует заметить, что активизация коммеморативной деятельности ПОРП в 1960 г. не блокировала развитие научного дискурса, в рамках которого академические исследователи дискутировали о фактической стороне событий Грюнвальдского сражения [12, с. 61–63]. В этот период польские власти не были заинтересованы в мобилизации историков, сохраняя диалоговое пространство для исследований. Историческая политика проводилась директивными методами, которые «спускались» по вертикали от высших эшелонов ПОРП до локальных партийных ячеек в воеводствах, но не затрагивали университеты и научные центры. Такой подход не позволял властям распространять идеологизированные нарративы о Грюнвальде среди широких слоев польского общества, поскольку, по справедливому утверждению В. А. Шнирельмана, «образы прошлого, которыми питается общество, так или иначе зависят или находятся под воздействием научно оформленных исторических конструкций...» [13, с. 104].

Полноценное воссоздание Грюнвальдского культа произошло в 1980-е гг. на фоне системного государственного кризиса в Польской Народной Республике. «Августовские соглашения» 1980 г., массовые забастовки во всех уголках страны, рост популярности профсоюза «Солидарность» вынуждал власти менять свою политику, в том числе в сфере использования прошлого [14, с. 811–812]. Представители ПОРП решили проводить мобилизацию населения с помощью создания формально независимых от власти институтов, которые должны были продвигать марксистско-ленинские и национал-коммунистические нарративы. Уже в 1981 г. было учреждено объединение консервативного толка «Грюнвальд». Идея о его создании возникла в январе 1981 г., когда на собрание членов профсоюза «Солидарность» в Варшавском университете были приглашены ученые еврейского происхождения, критиковавшие антисемитские кампании, проводимые в 1960-е гг. Первым секретарем ЦК ПОРП В. Гомулкой.

Общество «Грюнвальд» представляло собой неформальное собрание отставных и действующих военных, гуманитарной интеллигенции, заявлявшей о поддержке курса ПОРП. Вскоре после введения военного положения патриотическое общество «Грюнвальд» присоединилось к Ассоциации «Реальность», неформально возглавляемой функционером польских спецслужб Р. Гонтажем. У общества «Грюн-

вальд» был собственный печатный орган, на страницах которого публиковались преимущественно члены консервативного крыла ПОРП, получившего название «партийный бетон». Первые активности представителей «патриотического объединения» носили антигерманский характер, однако вскоре этот дискурс был устранен, а его место заняла идея об особом характере социализма в Польше [15].

С назначением в феврале 1981 г. главой правительства генерала В. Ярузельского, призвавшего польское общество к «90 спокойным дням», в партийных кругах впервые появляются либеральные, относительно коммунистов, деятели, которые декларируют необходимость в снижении вмешательства государства в сферу памяти. Одним из таких политиков был М. Раковский, главный редактор наиболее авторитетного польского периодического издания «Политика», который солидаризовался со студентами, выступавшими за изменения учебных программ по истории [14, с. 815]. Сам В. Ярузельский осуществил попытку переформатировать дискурс о Грюнвальде еще в 1970-е гг., когда опубликовал в польском журнале «Нове Дроги» статью, где указал на то, что «начало польско-советскому братству по оружию положили польские революционеры на баррикадах Великого Октября, развили его поляки-коммунисты, которые приобрели в Советской Армии боевой опыт и передали его позднее рождающемуся народному войску» [16, с. 193]. Вплоть до публикации этой статьи все члены ПОРП дискурсивно заостряли внимание на том, что начало «советско-польскому братству» было положено во время Грюнвальдской битвы. Все это крайним образом видоизменило рамку коллективной памяти в Польской Народной Республике, что не могло не сказаться на формах и практиках использования Грюнвальдской битвы в исторической политике.

В 1986 г. был создан общенациональный Грюнвальдский комитет, который инициировал создание нового праздника – «дня победы в Грюнвальдской битве», который, по задумке организаторов, должен был отмечаться наравне с 1 мая и годовщиной Октябрьской революции. Вновь созданные институты должны были поддерживать постоянную мобилизацию сторонников социалистического пути развития Польши, однако к середине 1980-х гг. симпатии значительной части польского общества перешли на сторону профсоюза «Солидарность» и либерального крыла ПОРП, которые находились в антагонистических отношениях с представителями «партийного бетона», покровительствующего «грюнвальдским организациям».

В 1988 г. в Польше проходили празднования очередной годовщины победы в Грюнвальдской битве. Следует заметить, что на мероприятиях, проходивших

в Стембарке, присутствовало все руководство Польской объединенной рабочей партии, а из праздничного дискурса пропали слова о «нерушимом союзе с Советской армией». Празднование 1988 г. стало последним коммеморативным проектом коммунистических властей по увековечиванию Грюнвальдского сражения. Внутриполитическая ситуация и общее обнищание социалистической идеологии, продвигавшейся «грюнвальдскими организациями», не позволило властям продолжить развитие коммеморативных практик, направленных на мобилизацию своих сторонников.

Таким образом, становление Грюнвальдского культа происходило параллельно с трансформациями в самой исторической политике польских властей. Будучи сформулированы в годы Второй мировой войны, нарративы о сражении были закреплены во внешнеполитическом измерении исторической политики, однако, десятилетие спустя, на фоне потепления в польско-немецких отношениях память о событии была вытеснена из публичного дискурса, поддерживаясь лишь локальными группами активистов. Кризисные 1980-е гг. заставили ПОРП видоизменить свои практики в области регулирования прошлого, что, в свою очередь, прямым образом сказалось на коммеморативных практиках в отношении Грюнвальдской битвы. Создание разветвленной сети институтов, объединенных общей «идеологией Грюнвальда», на некоторое время сделало событие ключевым историческим сюжетом в коллективной памяти польского общества. Вместе с тем кризисные тенденции, связанные с падением авторитета государственной власти, более не позволяли мобилизовывать общество на основе триумфалистских нарративов о Грюнвальде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jude T.* Postwar. A History of Europe Since 1945 / T. Jude. – New York : The Penguin Press, 2005. – 878 p.
2. *Касович А. А.* Празднование юбилеев Грюнвальдской битвы в XX веке / А. А. Касович // Петербургские славянские и балканские исследования. – 2010. – № 2. – С. 79–90.
3. *Касович А. А.* Символика грюнвальдских мечей в исторической памяти польского народа (к 600-летию сражения) / А. А. Касович // История и историческая память. – 2010. – № 2. – С. 99–102.
4. *Traba R.* Grunwald (Tannenberg) w niemieckiej publicystyce prowincji Prusy Wschodnie na przełomie XIX i XX wieku / R. Traba // Stud. Grunwaldzkie. – 1992. – № 2. – S. 53–62.
5. *Миллер А. И.* Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России / А. И. Миллер // Отечественные записки. – 2008. – № 5. – С. 44–56.
6. *Ekdahl S.* The battle of Tannenberg-Grunwald-Zalgris (1410) as reflected in Twentieth century monuments / S. Ekdahl // Military orders. – 2008. – № 3. – P. 175–194.
7. *Berling Z.* Wspomnienia, Przeciw 17 Republice / Z. Berling. – Warszawa : Polski Dom Wydawniczy, 1990. – 424 s.
8. Письмо группы поляков – бывших добровольцев Бригады им. Я. Домбровского Союзу польских патриотов в СССР и командованию Дивизии им. Т. Костюшко с выражением готовности к совместной с Красной Армией борьбе против гитлеровских захватчиков. Краснодар, 18 июля 1943 г. // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. 1939–1943 гг. – М. : Наука, 1973. – С. 412.
9. Dekret Polskiego Komitetu Wyzwolenia Narodowe-go z dnia 22 grudnia 1944 r. o orderach, odznaczeniach oraz medalach // Dz.U. 1944 nr 17 poz. 91. – URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19440170091/O/D19440091.pdf> (дата обращения: 18.09.2022).
10. *Mick C.* «Den Vorvätern zum Ruhm – den Brüdern zur Ermutigung» / C. Mick // Variationen zum Thema Grunwald / Tannenberg // Zeitenblicke. – 2004. – № 3. – S. 5–58.
11. *Góra W.* Polish revolutionary workers' movement in its struggle for national and social liberation / W. Góra. – Warszawa : Wojskowe Zakłady Graficzne, 1978. – 459 p.
12. *Гауга Р. Б.* Грюнвальдская битва в отечественной и зарубежной историографии / Р. Б. Гауга // Беларуская думка. – 2010. – № 8. – С. 58–67.
13. *Шнирельман В. А.* Социальная память и образы прошлого / В. А. Шнирельман // Новое прошлое / The New Past. – 2016. – № 1. – С. 100–129.
14. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. – М. : Индрик, 2012. – 952 с.
15. Od Redakcji // Biuletyn Informacyjny Zjednoczenia Patriotycznego “Grunwald”. – 1986. – № 4. – S. 2–3.
16. Из статьи генерала армии В. Ярузельского, опубликованной в журнале «Нове Дроги» // Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во Второй мировой войне : док. и материалы. – М. : Воениздат, 1985. – С. 193.

Южный федеральный университет
Мартыненко М. А., ассистент, аспирант кафедры
зарубежной истории и международных отношений
E-mail: mihmar@sfnu.ru

Southern Federal University
Martynenko M. A., Assistant, Post-graduate Student of
the Department of Foreign History and International Relations
E-mail: mihmar@sfnu.ru